

С драматургом, автором многих детских пьес, в большинстве своем сказок, Нелли Христовой Осиповой мы познакомились благодаря писателю Янушу Пшимановскому, а точнее, созданной им книге «Память», где собраны имена 78 тысяч 556 советских воинов, отдавших свою жизнь за освобождение польской земли от фашистов. На публикацию об этой книге, вышедшей летом 1987 года в «СК», пришло множество откликов со всех концов страны. Писали дети, внуки, родственники погибших воинов. А однажды в кабинете раздался телефонный звонок, и женщина, назвавшая себя по имени и фамилии, сказала, что у нее есть письма, которые писал с фронта своей маме девятинадцатилетний Герой Советского Союза танкист Георгий Сорокин, смертельно раненный в бою за польский город Мыслибуж. Эти письма мать Жоры Клера Георгиевна Сорокина незадолго до своей смерти подарила Нелли Осиповой, а она предложила их нам для публикации.

Письма эти вышли в газете «целой полосой, венчавшейся словами Георгия Сорокина: «Я коммунист и никогда не был и не буду последним». Следующая статья Нелли Осиповой была написана с целью вернуть москвичам во всей его первозданности дом, принадлежавший когда-то великому русскому полководцу Александру Суворову.

А потом произошло землетрясение в Армении — трагедия, болью отозвавшаяся в сердцах миллионов людей и у нас, и за рубежом. Кажется, никто не остался в стороне: люди собирали теплую одежду, перечисляли на счет № 700412 заработок и личные сбережения, принимали к себе в дома армянские семьи, лишившиеся крова. Но то, что сделала в это время Нелли Осипова, заслуживает особого рассказа. По собственной инициативе, поддержанной секретариатом Союза писателей СССР, она стала настоящим полпредом советских литераторов в деле помощи жертвам стихии, эвакуированным в Москву. Дом Нелли Осиповой и ее мужа писателя Юрия Лиманова стал своего рода штаб-квартирой для многих истинно милосердных людей. Сюда стекалась помощь уже не только от писательской организации, но и от различных предприятий и отдельных москвичей, прочитавших объявления с номером их домашнего телефона, расклеенные у некоторых станций метро, расположенных возле московских клиник.

Телефон в квартире звонил практически круглосуточно. Люди несли вещи, предлагали свою помощь по уходу за ранеными, жилье для их родственников.

В это время Нелли Осипова была одновременно и «генералом», и солдатом своего милосердного войска. Ведь на деньги, доверенные ей, надо было не только одеть и обустроить обездоленных стихией, но и приобрести вещи, необходимые для ухода за тяжелоранеными, которых так недостает сегодня в больничных условиях: от комплектов постельного белья до стирального порошка и масляных обогревателей.

Она знает по именам всех своих подопечных в Институте имени Склифосовского. И не только их, но и родственников, которые жили в палатах рядом с израненными сыновьями, дочками, племянниками и сами ухаживали за ними. Да и то сказать, какая мать усидит в подмосковном санатории или самом гостеприимном доме, когда ее красавица девочка, лишавшаяся обеих ног, страдает в больничной палате.

Однажды я побывала с Нелли в этих палатах. Ее там встречали как родную. Она ведь не только вещи, фрукты, армянский лаваш и шампуни сюда несла. Она стригла этих ребят, мыла им головы, приносила им

магнитофон с записями армянских песен.

До того как семнадцатилетнюю Маринэ постигла страшная беда [она лишилась ног], девушка окончила музыкальную школу по классу фортепиано и собиралась учиться дальше. Теперь ей уже никогда, никогда не сесть за пиани-

но... Но она держалась так мужественно, что ей мог бы позавидовать любой прославленный герой. А ее улыбка... — нет, этого не опишешь.

— А знаешь что, — сказала ей Нелли, взяв девушку за руку, — музыка же все равно остается с тобой, звучит в тебе. Ты только запоминай ее, а

выздоровеешь — запишешь и, может быть, станешь большим композитором.

— Да, тетя Нелли, — благодарно кивает ей девушка. — Я тоже верю, что так будет.

По своей первой профессии Нелли — врач. Что же привело ее в литературу? Зачем гадать, спрошу у нее самой.

Нелли

Осипова:

— После окончания медицинского института в 1958—1960 годах я работала анестезиологом в отделении врожденных пороков. Заведующим отделением был тогда еще молодой кандидат наук, а ныне академик АММ, директор Института сердечно-сосудистой хирургии имени Бакулева Владимир Бураковский. Основными нашими пациентами были дети.

Ну, естественно, где дети, там и игрушки. И вот однажды мы обнаружили в палате обыкновенную тряпичную куклу с гуттаперчевой головой. А поразило нас то, что на ее туловище были обозначены все виды разрезов, которыми хирурги пользовались при операциях. Ребята выписывались, а кукла оставалась. И когда мы спросили у них, что это означает, наши очередные пациенты спокойно объяснили нам: такой разрез был у Тани, а вот этот — у Пети.

А мы-то считали их несмышленишками! Обманывали, не говорили, что везем на операцию. И дети как будто верили нам. На самом же деле они очень четко осознавали реальную жизнь операционного отделения. У них было полное представление о ней, но свое. А запись консультанта-психиатра в каждой из историй болезни гласила: абстрактно не мыслит.

Они же знали, что после таких разрезов некоторые в палату не возвращались. Они даже говорили слово «умер». Умер, значит, в палату не вернется.

Все это стало каким-то поворотом в моем сознании. Я начала думать о детях совсем иначе, чем прежде. Нет, это не «недочеловечки», которым еще предстоит многое понять, а люди, которые все понимают и воспринимают, пусть даже не совсем адекватно: настроение, трагизм ситуации, потери, надежды, добро и зло. И когда мне говорят: дети этого не поймут, я вспоминаю тех ребятшек и укрепляюсь в убеждении, что интуитивно ребенок никогда не ошибается в своих оценках.

Когда мне было пять лет (родина моя — Тбилиси), меня повели в оперный театр на «Даисис» и «Риголетто». Что я могла понять о злодействах и страданиях придворного шута? Но музыка, великолепный мелодический ряд, ощущение восторга, охватившего меня, — все это живет во мне, хотя прошло добрых полвека. А с точки зрения формальной педагогики меня следовало водить в этом возрасте исключительно на «Красную Шапочку» и «Три поросенка».

И когда позже я стала писать для детей, сперва своих собственных, а потом на радио, телевидение и для театра, я всегда помнила об этом. Вот почему стереотипное понимание формулы «театр детской радости» вызывает у меня протест. Радость — это ведь не всегда веселье. Радость скорее ближе к катарсису, чем к бездумному смеху.

Конечно, можно оберегать ребенка от слез, от грусти. Но ведь мы в классе плакали, когда нам читали «Муму». Так что, значит, не надо было читать? Умирает бабушка или дедушка, а мы на время похорон уводим ребенка, чтобы он не переживал. Скажу как врач: в медицине существует понятие — атрофия от бездействия. Любой орган, функции которого ограничены или приостановлены, утрачивает способность работать в полную силу.

Человек, к примеру, сломал руку, ему наложили гипс, потом его сняли. И оказывается, что пальцы не двигаются, хотя они-то не были повреждены! То же самое происходит и в духовной сфере. Мы даем ребенку сладкий сироп, пирожное, мороженое, водим на спектакли, в которых все поют и танцуют. А когда же будет трудиться его душа?

Я вообще глубоко убеждена: все катаклизмы, которые происходят сегодня в экономике, политике, социальной сфере, национальных отношениях, — это результат пренебрежения опытом поколений, духовного, а следовательно, и нравственного оскудения людей. Давайте обратимся к этому опыту. Возьмем сборники сказок народов Грузии, Армении, Прибалтики, Кореи, Вьетнама и, конечно, России (только не адаптированные, где блока переделана в кузнечика) и увидим, что очень многие из них имеют весьма жестокие сюжеты. Задумаемся, почему это? Потому, что, когда у человека вызывают переживание за чью-то судьбу, возмущение злом и жажду победы добра, это и есть работа души. Она продолжится потом, когда этот человек вырастет и жизнь предъявит ему свои суровые счета.

— Нелли, а какова судьба ваших произведений?

— Легкой я бы ее не назвала. В наш прагматичный век кто-то решил, что можно обойтись без сказок — достаточно питать людей небылками из жизни. Главный редактор издательства «Детская литература» как-то сказал мне, что у них современных сказок не издадут, потому что они все графоманские. О своих мне трудно судить. Но почему нигде нельзя купить сказок Евгения Шварца, которыми целые поколения зачитывались взахлеб?

— Ну а есть ли трудности в постановке национальной сказки в театре, так сказать, иной национальности?

— Вы знаете, в Киеве поставили мою грузинскую пьесу «Полторы горсти». Сначала хотели, чтобы герои говорили с грузинским акцентом. А потом, что называется, вжились в материал и сказали, что никакой акцент не нужен, потому что есть грузинская интонация. Как же ей не быть, если мои предки-армяне два с половиной века живут в Грузии? Могу я не чувствовать музыки ее речи? Я вообще не понимаю людей, которые, живя по многу лет, а порой и всю жизнь в какой-нибудь республике, не хотят знать ее языка, ее культуры и традиций. Такие вещи надо с детства прививать. У нас в тбилисском доме говорили на русском, армянском, грузинском и азербайджанском языках. Самая разнообразная речь звучала и во дворе, и на улице. В русской школе, где я училась, был просто «ноев ковчег» национальностей, но нам и в голову не приходило уточнять, кто русский, кто грек, кто осетин, кто еврей. И сравнивать, чей язык лучше. Сказал же Аветик Исаакян: «Сколько языков ты знаешь, столько раз ты человек».

А почему, собственно, в русских школах не вести факультативное изучение языков разных республик? Ведь до чего мы дожили: переводы с одного национального языка на другой делаем «через» русский язык. Но есть хороший опыт. Грузины и эстонцы создали на филологических факультетах своих вузов «встречные» отделения соответствующих языков. И теперь переводят друг друга напрямую, без русских подстрочников. Мы рассуждаем о необходимости ранней профориентации, а сами даем детям кучу необязательных знаний, а первоосновы — языков их лишаем.

— Ну а все-таки удастся преодолеть трудности языкового барьера именно в вашем любимом жанре?

— Мои пьесы переведены на грузинский, украинский, каракалпакский и болгарский языки. «Абрикосовое дерево», поставленное в Выборгском театре кукол, смотрели дети в Польше, Финляндии, в Австрии и на недавнем фестивале в Турине. И что же? Реакция живая, непосредственная была одинаковой в разных странах, хотя и без синхронного перевода.

— Как вам удается так много успевать — и драматургия, и публицистика, основанная всякий раз на точных исследованиях, и масса общественных дел?

— В сущности, написано не так уж много — около двадцати сказок. Они поставлены более чем в тридцати театрах кукол от Благовещенска до Таллинна, от Пскова до Баку.

В издательстве «Искусство» на 13-ю пятилетку запланирован выход моего сборника пьес. Полагаю, что это будет посмертное издание. Не могу сказать, что я обивала издательские пороги, а мне отказывали. Я просто знаю, что эта литература никого не интересует.

— Не понимают или не хотят понять?

— Думаю, не хотят. А я к нарочитому непониманию отношусь, как к предательству. Есть много в жизни того, чего я не понимаю, но стремлюсь понять. Спросить, узнать побольше. Есть много того, чего я не принимаю. Но я полагаю, что и это имеет право на существование. Без передержек. Без лжи и фальши. Я стараюсь объяснить для себя любую непорядочность и считаю, что тех людей, которые ее совершают, можно было бы пожалеть, если бы они не приносили этим вреда окружающим.

Может быть, во мне врач говорит? Но за огульным нежеланием понять другого, разделить его заботы я вижу чью-то личную раздраженность, закомплексованность. Нельзя же бросать камень в человека только потому, что у него не твой цвет глаз!

Во всем — в жизни, в литературе, в театре — надо стремиться стать на точку зрения соседа, ближнего, соотечественника, ребенка, зрителя, наконец.

— А что в вашей жизни самое дорогое, самое заветное?

— Я училась в медицинском шесть лет. А на четвертом курсе впервые присутствовала при родах.

Видела обезображенное гримасой боли лицо женщины, слышала ее надсадные вопли. И вдруг... крик ребенка! И лежит передо мной уже красивая женщина. А на руках врача — ребенок, появившийся как бы из ничего. Человек.

А еще — День Победы. Мы все выскочили из школы и, крича, как сумасшедшие, побежали на площадь, где все целовались, обнимались и плакали. Поколение, которое пережило тот день, — это был один народ с одной общей, великой радостью. Мы должны хранить в себе эти частички вечного. И воспитывать эту потребность в детях. Я вообще процесс воспитания детей рассматриваю, соглашаясь с флотской традицией: делай, как я. Конечно, не в императивном плане, не выбрасывая флаг. А сообразуясь с логикой и содержанием собственных поступков, которые чему-нибудь могли бы научить детей. И тогда появляется надежда, что лучшее из того, что есть в нас, останется в них.

Ирина ПИРОГОВА.